

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (2)

2012

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru**http://archaeologie.pro**

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2012

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2012

© Редколлеги журнала «Поволжская археология», 2012

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R. S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh. A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N. N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

V. L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A. A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M. Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R. D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I. L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S. V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T. B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2012

© Mari State University, 2012

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Editorial Board of Journal, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Галимова М.Ш. Кремневые комплексы мезолита – энеолита северной части Икско-Бельского междуречья 6

Афанасьев Г.Е. О строительном материале и метрологии Хазаро-аланских городищ бассейна Дона 29

Борисов Б.Д. Археологические свидетельства праболгарского присутствия на территории Южной Болгарии 50

Измайлов И.Л. Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) 66

Данич А.В. Клинковое оружие Пермского Предуралья 86

Гайнуллин И.И., Ермолаев О.П., Ситдииков А.Г., Усманов Б.М. Комплексное исследование разрушаемых археологических памятников на участке береговой линии Куйбышевского водохранилища у с. Измери (Спасский район РТ) 107

Руденко К.А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан 123

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья 146

Дубровин Г.Е. Пожар Торговой стороны Новгорода 1508 года 166

Публикации

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Погребение № 67 Келийского могильника (Горная Ингушетия) 173

Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. О застройке посадской части Свяжска (по материалам раскопок 2008 г.) 184

Заметки

Чижевский А.А. Керамика с рогожными отпечатками из раскопок городища Лбище в 2003 г. 211

Кочкина А.Ф. Каменная литейная форма с Муромского городка на Самарской Луке 218

Губайдуллин А.М. Исследования на Старокуйбышевском городище 223

Хроника

<i>Ставицкий В.В.</i> III Всероссийская научная конференция «Поволжские финны и их соседи в древности и средние века»	230
<i>Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.</i> II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей	233
<i>Кузьминых С.В., Чижевский А.А.</i> Всероссийская научная конференция «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы»	242
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5
Подписано в печать 25.12.2012 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 15,75 Тираж 1000
Отпечатано в ЗАО «ИД Казанская недвижимость»

CONTENTS

<i>Galimova M.Sh.</i> The mesolithic – eneolithic flint assemblages from the north part Ik-Belaya interfluent area	6
<i>Afanas'ev G.E.</i> Buldings materials and metrology of khazar-алан's Don basin forts	29
<i>Borisov B.D.</i> Archaeological evidences for proto-bulgarian presence on territory of the South Bulgaria	50
<i>Izmailov I.L.</i> Mortuary and funeral ceremonialism and a amours complex of the ancient and medieval population (to problem statement)	66
<i>Danich A.V.</i> Blade weapons of the Permien Ural	86
<i>Gaynullin I.I., Ermolaev O.P., Sitdikov A.G., Usmanov B.M.</i> Complex research of destroyed archaeological monuments on a district of coastline of the Kuibyshev reservoir near Izméry village (the Spassky region of the Republic of Tatarstan)	107
<i>Rudenko K.A.</i> Some results of researches of the Ostolopovo settlement in area Alekseevskoe of the Republic of Tatarstan	123
<i>Nikitina T.B., Efremova D.Yu.</i> The funeral rite of complexes with moulded tooloes from medieval sepulchers of IX–XII centuries of the Vetluga-Vyatka interfluve	146
<i>Dubrovin G.E.</i> A fire of the Trade side of Novgorod in 1508	166

Publications

<i>Narozhnyi V.E., Narozhnyi E.I.</i> Entombment № 67 of Keliyskiy burial (Mountainous Ingushetia)	173
<i>Shakirov Z.G., Valiev R.R., Sitdikov A.G.</i> About building of the suburban part of Sviyazhsk (on materials of excavations of 2008)	184

Notes

<i>Chizhevsky A.A.</i> Ceramics with bast prints from excavation on the site of ancient settlement Lbishche in 2003	211
<i>Kochkina A.F.</i> Stone casting molds from the Muromsky towm on Samarskaya Luka	218
<i>Gubaydullin A.M.</i> Researches on the Old-Kuibyshev site of ancient settlement	223

Chronicle

<i>Stavitsky V.V.</i> III All-Russian scientific conference «Volga Region finns and their neighbours during Antiquity and Middle Ages»	230
<i>Sitdikov A.G., Khuzin F.Sh., Shakirov Z.G.</i> II International congress of medieval archeology of the Eurasian steppes	233
<i>Kuzminykh S.V., Chizhevsky A.A.</i> All-Russian scientific conference «Ananyinsky world: sources, development, communications, historical destinies»	242
List of abbreviations	248
Rules for authors	250

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КОМПЛЕКСОВ С ЛИТЕЙНЫМИ ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ IX–XII вв. ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ¹

© 2012 г. Т.Б. Никитина, Д.Ю. Ефремова

Статья посвящена погребальному обряду женских захоронений с литейными принадлежностями из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XIII вв. В основу работы положены 25 захоронений из марийских памятников, для сравнительного анализа использованы аналогичные захоронения из могильников мордвы и муромы. Захоронения женщин с литейными принадлежностями рассмотрены на фоне погребального обряда мари в эпоху средневековья. Отдельные особенности объяснены с помощью данных этнографии и фольклора. Комплексный подход к анализу погребального обряда позволил сделать выводы, что женщины, захороненные с литейными принадлежностями, являлись не только литейщицами, но выполняли определенные обряды, связанные с охраной семьи и рода.

Ключевые слова: археология, Ветлужско-Вятское междуречье, Среднее Поволжье, марийцы, мордва, мурома, металлообработка, погребальный обряд, культовая практика, датировка/

На территории Ветлужско-Вятского междуречья располагается 13 могильников IX–XII вв., которые большинством исследователей связываются с древнемарийской культурой. Могильники небольшие, общее количество раскопанных погребений 320, но они имеют ярко выраженный погребальный обряд и многочисленный погребальный инвентарь. Особым своеобразием отличаются комплексы с литейными принадлежностями (ляльки, литейные формы, кусочки олова).

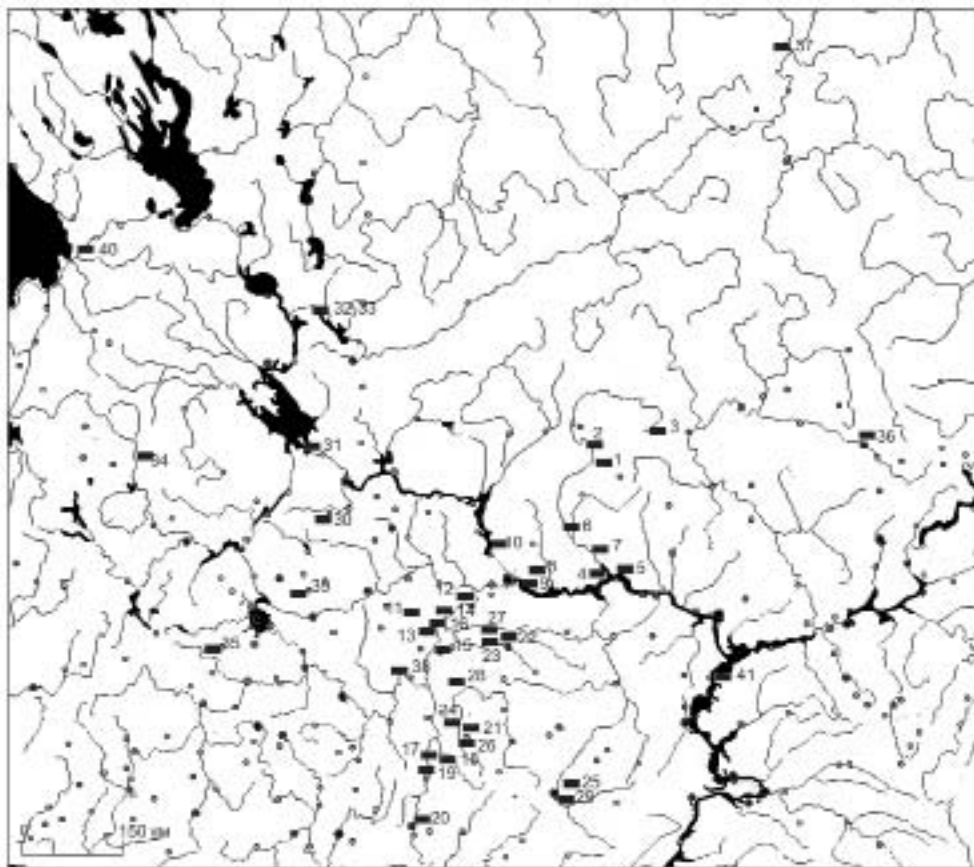
В известной статье Л.А. Голубевой «Женщины-литейщицы...» на территории Ветлужско-Вятского междуречья отмечено 8 погребений с ляльками. Ввиду их малочисленности на количественном фоне захоронений с орудия-

ми литья других поволжских финнов (мурома – 23 погребения, мордва – 66 погребений²) исследовательница не уделила марийским захоронениям особого внимания, ограничившись их перечнем с указанием местоположения лялек и наблюдением, что у мари, как и у мордвы, встречаются единичные погребения с ляльками и в XII–XIII вв. (Голубева, 1984, с. 79–81). В настоящее время источниковая база существенно расширилась, в памятниках указанной территории известно 28 комплексов с предметами, которые возможно отнести к литейным принадлежностям. Значительно увеличилось количество захоронений с аналогичными находками на могильниках муромы и мордвы (см. табл. 1). В указанной таблице учтены материалы

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ №11-11120001а/В «Место и роль женщин-литейщиц поволжских финнов в социальной структуре, хозяйственной деятельности и культовой практике средневекового общества».

² Впоследствии эта цифра была увеличена до 71 захоронения (Голубева, 1987, с. 107).

1 – Веселовский могильник	22 – Заречное II
2 – могильник «Черемисское кладбище»	23 – Стексово II
3 – Юмский могильник	24 – Журавкинский
4 – могильник «Нижняя стрелка»	25 – Степановский
5 – Дубовский могильник	26 – Старобадиковский
6 – Русенихинский могильник	27 – Пятницы VII
7 – Выжумский III могильник	28 – Шокшинский
8 – Починковский могильник	29 – Усть-Узинский
9 – Безводнинский могильник	30 – Петровский курганный могильник
10 – Желтухинский	31 – Михайловский курганный могильник
11 – Мальшевский	32 – Владышевский могильник
12 – Чулковский	33 – Мининский могильник
13 – Подболотьевский	34 – Березовецкий курганный могильник
14 – Корниловский	35 – Митяевские курганы
15 – Нижне-Верейский	36 – могильник Мыдланьшай
16 – Пятницкий	37 – Кичильковский могильник
17 – Елизавет-Михайловский	38 – Курманский могильник
18 – Пановский	39 – Ратьковское городище
19 – Крюково-Кужновский	40 – могильник Никольское XVI–XVII, XIII
20 – Лядинский	41 – Танкеевский могильник
21 – Кельгининский	

Рис. 1. Карта распространения погребений с литейными принадлежностями.

41 погребения из муромских и 103 погребений из мордовских могильников. Фактическое количество проанализированных захоронений значительно больше, но они не введены в таблицу из-за отсутствия полной информации (материалы Максимовского могильника, пп. 23, 25, Кельгининского могильника 1963 г., пп. 3, 4, 8 раскопок 1966 г. и т.д.). На первый взгляд очевидно количественное преобладание захоронений с литейными принадлежностями в могильниках муромы и мордвы. Сравнительный анализ этих комплексов по отношению к общему количеству раскопанных погребений показывает, что на муромских и мордовских могильниках они составляют от 2 до 9%. Следует сделать оговорку, что в муромских захоронениях процент был выше, так как в общем числе раскопанных могил учтены захоронения коней. В марийских захоронениях этот процент неоднороден: на Волге – от 1,2 до 5,7%, а в ветлужских памятниках значительно выше – от 14,7% (Веселовский могильник) до 22,2% от общего количества раскопанных комплексов. В Русенихинском могильнике все комплексы, связанные с женской субкультурой, имеют признаки или один из признаков, по которым их условно можно отнести к этой категории.

Захоронения, содержащие литейные принадлежности, выделяются на фоне остальных комплексов по ряду признаков (богатству, наличию этномаркеров в материальной культуре и т.д.), что уже неоднократно отмечали авторы данной статьи (Никитина, Ефремова, 2011, 2011а).

Особого внимания заслуживает погребальный обряд.

При анализе погребального обряда за основу взяты захоронения из могильников марийской культуры, в качестве дополнительной иллюстрации привлечены материалы муромских и мордовских могильников. Из 28 комплексов с литейными принадлежностями 25 содержат инвентарь, характерный для женских захоронений, а 3 – для мужских. В данной статье будут рассмотрены женские захоронения, из которых 15 погребений совершены по обряду труположения, 4 содержат кремированные кости и 3 относятся к жертвенным комплексам в межмогильном пространстве, в 4-х случаях информация утеряна. Соотношение комплексов по способу совершения обряда в целом совпадает с общей картиной соотношения различных способов захоронения на могильниках.

К сожалению, данные об этих комплексах не всегда полные, в 7 комплексах информация полностью или частично утеряна, 18 представлены достаточно полно. Погребения отнесены к периоду X–XII вв.

Могильные ямы имели простую конструкцию, подпрямоугольную со слегка скругленными углами форму. При ингумации костяки лежат в обычном вытянутом положении. На погребенных надеты рубахи из ткани или тонкой кожи и меховые кафтаны. Среди погребений с кремацией непогребенными поздними перекопами оказались только п. 14 могильника «Черемисское кладбище» и п. 7 Юмского могильника, в которых кремация имитирует ингумацию. Женские кости завернуты в одежду из ткани и меховой кафтан, перевязанный ремнем; вещи разложены в том же по-

Таблица 1

Находки литейных принадлежностей в могильниках волжских финнов

Могильник	Культурная принадлежность	Дата могильника	Кол-во проанализированных погребений	Номера комплексов с признаками литья	Процентное содержание комплексов с орудиями литья
Могильник на Чортовом городище	марийская	к. VII – н. VIII вв.	6	3	16,7
Веселовский	марийская	X–XI вв.	34	2, 6, 12, 20, 34	14,7
«Черемисское кладбище»	марийская	IX–XI вв.	32	VI, VIII, IX–X, XV–XVI, жк2, пп. 11, 14	21,9
Юмский (Загребинский)	марийская	IX–XI вв.	9	7, 9	22,2
Русенихинский	марийская	IX–XI вв.	27	2, 6, 8, 11, 14, жк 5	22,2
«Нижняя стрелка»	марийская	IX – н. XII вв.	53	5, 11а, 32	5,7
Дубовский	марийская	X – н. XII вв.	84	36	1,2
Выжумский III	марийская	XII–XIII вв.	24	11, 13, 24	12,5
Починковский	марийская	XII–XIII вв.	15	7	6,7
Безводнинский	муромская (?)	V–VII вв.	148	134	0,7
Желтухинский	муромская (9?)	VI–VII вв.	24	9, 12	8,3
Малышевский	муромская	VII–XI вв.	216	5, 17, 33, 61, 72, 76, 86, 93, 100, 107, 127, 136, 143, 145, 167, 176, 193, 197, 216,	8,8
Чулковский	муромская	VIII–X вв.	81	24, 29, 30, 35, 50, 53, 62	8,6
Подболотьевский		VII–XI вв.	258	2, 48, 69, 95, 99, 103, 124, 129, 143, 149, 260	4,3
Корниловский	муромская	VIII–X вв.	11	9	9,1
Нижневерейский	муромская	VIII–XI вв.	11	9	9,1
Пятницкий	муромская	VIII–XI вв.	14	7	7,1
Елизавет-Михайловский	мордовская	IX–XI вв.	136	2, 33, 71, 76, 81, 90, 97, 106, 116, 120	7,4
Пановский	мордовская	IX–XI вв.	144	8, 16, 21, 25, 33, 50, 94, 96, 99,	6,25
Крюково-Кужновский	мордовская	VIII–XI вв.	586	7, 58, 68, 73, 83, 127, 163, 183, 193, 204, 216, 241, 249, 252, 378, 388, 395, 413, 421, 442, 479, 449, 468, 507, 508, 527, 550, 566, 569, 571,	5,1

Лядинский	мордов- ская	X–XI вв.	220	9, 34, 62, 64, 73, 101, 116, 124, 134, 163, 182, 183	5,5
Кельгинин- ский*	мордов- ская	X–XIII вв.	118	1, 4, 84, 140, 156, 166, 168, 189, 196, 213, 228	9,2
Заречное II	мордов- ская	X–XI вв.	150	19, 43, 92, 150(?)	2
Стексово II*	мордов- ская	X–XI вв.	236	21, 28, 51, 100, 179, 203, 238	3,0
Журавкинский	мордов- ская	X–XI вв.	76	16, 32, 71	3,9
Степановский	мордов- ская	н. VIII – н. XI вв.	75	72, 75	2,7
Старобадик- овский	мордов- ская	вторая пол. VII – X вв.	366	203	0,3
Пятницы VII	мордов- ская		17	12, 17	11,8
Шокшинский*	мордов- ская		514	227, 234, 42, 310, 432, 572, 596, 600, 604, 616	1,9
Усть-Узинский	мордов- ская		85	55	
Старший Ку- жендеевский	мордов- ская	к. VI – VII вв.	21	6	2,9
Хотильмский	Меря-(?)		17	9	5,9
Сарский	Меря-	VII–XI вв.	17	9, 10, 15 (?)	17,6

1. * *Стексово 2*: в обработку не вошли пп. 183–194, 212–221; *Шокша*: в обработку вошли материалы раскопок 1967–1969, 1983, 1985, 1986 гг.; *Кельгининский могильник*: в обработку взяты только результаты раскопок 1990-х гг.

рядке, что и в погребениях с труположением. Среди жженых костей читаются кости черепа, которые находятся совместно с украшениями головного убора.

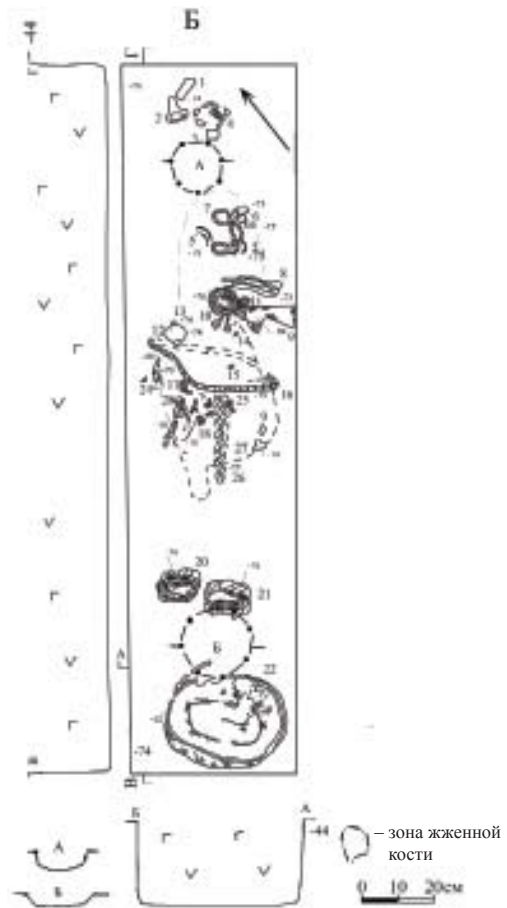
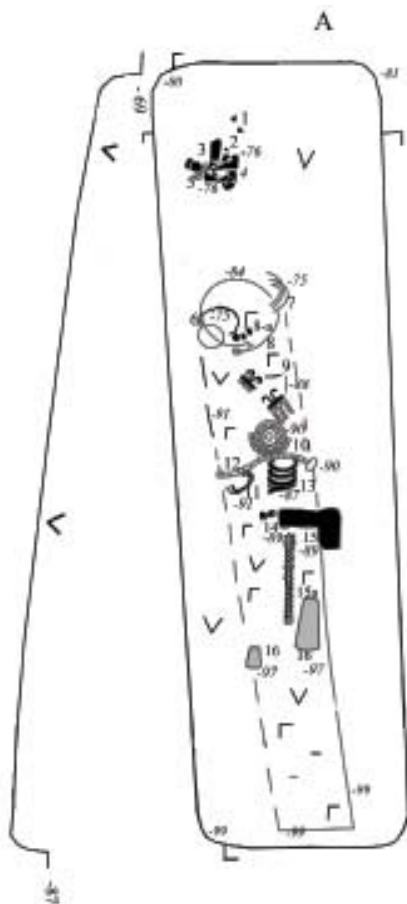
В большинстве погребений сохранились фрагменты дерева или луба от погребальной конструкции. Погребенные ориентированы головой на СЗ, ЮЗ, СВ. Ориентировка соответствует ориентировке остальных захоронений на том или ином могильнике. В погребениях обнаружены льячки (от 1 до 3 экземпляров), литейные формы, иногда кусочки олова или свинца. Предметы помещены в дополнительные комплексы вещей в изголовье (8 экз.) или в ногах (5 экз.).

Первый вариант характерен для более ранних погребений, а второй встречается в комплексах, начиная с конца XI в. Кроме указанных выше изделий, в дополнительные комплексы входили орудия труда: шилья, ножи, топоры, тесла и оселки, ножницы (1 экз.), иногда украшения, копоушки, фрагменты зубов или когтей животных, бусы, бисер и иные предметы. В п. 5 могильника «Нижняя стрелка» в составе дополнительного комплекса найдены два белемнита.

Жертвенные комплексы совершенны в неглубоких ямах округлой формы и состоят из украшений и фрагментов одежды, начиная от убранства головы завершая обувью. Одежда имеет сле-

Б – могильник
«Черемисское кладбище»,
погребение 14.

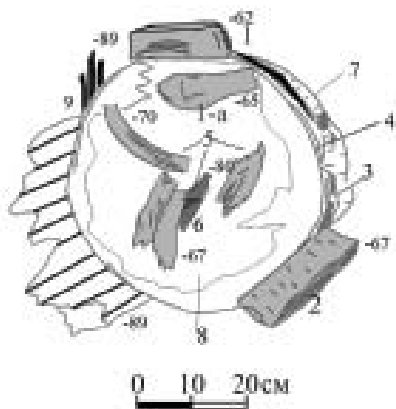
1 – льячка, 2 – льячка, 3 – развал льячки,
4 – литейная форма, 5 – височное кольцо во
фрагментах, 6 – фрагменты черепа (обожжен-
ные), 6а – бубенчик с пронизкой, 7 – цепочка,
8 – тесьма, 9 – топор, 10 – подвеска круг-
лая, 11а, б – подвески (3 шт.), 12 – браслет,
13 – фрагмент перстня, 14 – копоушки (под
кальцинированными костями), 15 – пронизки
(среди костей), 16 – пояс с накладками,
17 – бубенчик с пронизкой, 18 – подвеска,
19 – кремь, 20, 21 – фрагменты обуви,
22 – котел, 23 – скопление спекшихся желе-
зных предметов, 24 – фрагменты деревянной
чаши, 25 – бубенчик, 26 – окалина от крупно-
го железного предмета (возможно кинжал),
27 – бубенчики, 28 – крупные фрагменты
костей.

А – Русенихинский могильник,
погребение 2.

1 – фрагменты бубенчиков,
2 – фрагменты бубенчиков, 3 – дирхем,
4 – развал льячек (от 2 экз.), 5 – фрагменты
неопределенных железных предметов,
6, 7 – височные кольца, 8 – гривна, 8а – эмаль
от зубов, 9 – нагрудные подвески (2 экз.),
10 – нагрудная бляха, 11, 13 – браслеты,
12 – ремень, 14 – перстни (2 экз.), 15 – топор,
под ним перстни, 15а – рукоятка от топора,
16 – тлен от украшений или вышивки.

Рис. 2. Типы комплексов с литейными принадлежностями.

В – могильник «Черемисское кладбище», жертвенный комплекс 2.

- 1, 1а – льячки, 2 – литейная форма,
- 3 – край деревянной чаши,
- 4 – край железного котла,
- 5 – обрывки ремешков,
- 6 – копоушки (2 экз.), 7 – береста,
- 8 – подстилка, 9 – ветви дерева.

Рис. 2 (окончание). Типы комплексов с литейными принадлежностями.

ды обильной вышивки металлической нитью. Они помещены в сосуд (котел) (жк 2 Чер.кл.) или закрыты сосудом (чашей) сверху (жк 5 Рус.; 20 Вес.). Сосуды обложены берестой. На дне комплексов фиксируются ветви дерева. В двух комплексах литейные принадлежности представлены только литейными формами, завернутыми в бересту, а в одном комплексе двумя льячками и литейной формой.

Таким образом, комплексы с литейными принадлежностями по основным признакам соответствуют сложившемуся в средневековом марийском обществе погребальному обряду, который характеризуется следующими маркирующими чертами: при труположении заворачивание умершего в бересту или положение в берестяную или лубяную колоду; при трупосожжении заворачивание костей в меховую или кожаную одежду, опоясанную ремнем (т.е. имитация труположения); наличие скоплений вещей, связанных с производственной или социальной деятельностью погребенного, в изголовье или в ногах; жертвенные комплексы украшений, завернутые в одежду в межмогильном пространстве; медные котлы, обернутые в бересту, с деревянной чашей внутри в дополнительных комплексах

вещей в могилах, а также в составе жертвенных комплексов в межмогильном пространстве. При этом в комплексах с литейными принадлежностями эти черты наиболее выразительны и сконцентрированы.

Мы неоднократно писали о том, что комплексы, содержащие литейные принадлежности, содержат все категории этноопределяющих изделий, начиная с головного убора и завершая обувью. Украшения обычно были надеты на женщину в момент ее погребения, а не положены в дар. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что это были ее личные украшения и они отражали реальное положение женщины в обществе на момент смерти. Как носительницы этнической традиции они должны были достичь репродуктивного возраста и занять определенный статус, что подтверждается антропологическими данными. Анализ костей из 10 погребений литейщиц (марийские: Русенихинский могильник – 3, «Черемисское кладбище» – 1; Нижняя стрелка – 2; муромский Чулковский могильник – 6)³ показывает, что женщины захоронены в возрасте от 16 до 55 лет. Сложные головные уборы и парные

³ Анализ произведен к.б.н. Е.А. Пузаткиной.

нагрудные украшения позволяют предположить, что это были замужние женщины. По этнографическим данным известно, что вышивка на груди по сторонам грудного разреза под названием «чызе орол» («сторож грудей») у мари и «кеске» у чуваш, характерна только для рубах замужних женщин (Гаген-Торн, 1960, с. 213).

Эти наблюдения вступают в противоречие с утверждением Л.А. Голубевой о том, что «литейщиц» начинали готовить с детского возраста (Голубева, 1988) и часть захоронений в могильниках волжских финнов принадлежат девочкам. Подобное заключение исследовательницей сделано на основании анализа пп. 17, 72, 76, 193 Малышевского, п.п. 69, 149 Подболотьевского муромских могильников, п. 35 Мари-Луговского могильника азелинской культуры, п. 7 Крюково-Кужновского мордовского могильника. Нужно признать, что большинство погребений из приведенных в качестве примеров отнесены к погребениям девочек очень условно. В описании п. 17 Малышевского могильника (Дубынин, Малышевский могильник, с. 339–340) указано, что длина от костей черепа до украшений ног составляет 165 см, что вполне соответствует росту взрослой женщины (антропологический анализ не проводился). Набор украшений: головные жгуты и венчик, 6 височных колец, гривна, нагрудная бляха, наосник и наборный ремень также соответствующим женскому костюмному комплексу. Погребения 72 и 76 определены автором раскопок как коллективные. В п. 72 литейные принадлежности найдены совместно с украшениями под серебряной чашей в лубяной обкладке (или сосуде) (Дубынин, 1947, с. 7, 8) и, скорее

всего, являются комплексом вещей в погребении, чем детским захоронением. Нет четкого обоснования принадлежности к детскому захоронению и п. 7 Крюково-Кужновского могильника, не считая заметок автора раскопок, что кости слева по размерам принадлежали ребенку (Материалы по истории мордвы, 1952, с. 13, 14). Учитывая, что погребение является трупосожжением, делать выводы без дополнительных анализов не совсем корректно. Из описания следует, что в ногах основного захоронения слева найдены ожерелье, тигель, литейная форма, пряжка и подвеска, а слиток олова лежал в головах. Нельзя исключить, что кости так называемого детского погребения и литейные принадлежности принадлежали основному погребенному и образовывали с ним единый комплекс.

Детские костяки в коллективных захоронениях вполне могли сопровождать погребения взрослых женщин с особым статусом и литейные принадлежности в таком случае принадлежали взрослой женщине. Случаи коллективных захоронений с литейщицами фиксировались неоднократно. Находки олова в единичных детских погребениях могли выполнять роль оберега.

В п. 32 могильника Нижняя Стрелка захоронена женщина в возрасте 45–50 лет с литейными принадлежностями, в ногах которой обнаружен череп. Рядом с черепом на дереве лежали два височных кольца, три очковидных подвески, два бронзовых браслета. Вещи и череп сверху также имели следы древесного покрытия. Аналогичный обряд захоронения зафиксирован на Малышевском могильнике. В одной могильной яме значительных

размеров были обнаружены женское захоронение с льячкой (№ 76), мужское труположение (№ 77), и справа от мужского захоронения в ногах у края могильной ямы найден человеческий череп с украшениями, поставленный затылочным отверстием вниз (№ 77-а).

Погребения IX–X и XV–XVI могильника «Черемисское кладбище» характеризуются как парные: мужчина и женщина. К сожалению, информация о погребальном обряде не сохранилась.

Таким образом, сложность обряда (коллективное захоронение), безусловно, свидетельствует от особом статусе погребенных.

Анализ погребального инвентаря позволяет выявить ряд особенностей в расположении отдельных категорий вещей, которые свидетельствуют о своеобразии захоронений с литейными принадлежностями.

Все погребенные с орудиями литья были захоронены в меховых одеждах. В п. 6 Русенихинского могильника обнаружены фрагменты от двух кафтанов: один сшит мехом внутрь, второй наружу. Кафтаны сшиты из шкуры бобра. В процессе реконструкции костюмов была замечена одна интересная деталь. Замкнутые пояса на «литейщиках» имели пряжку повернутую лицевой стороной вниз (п. 14 Черемисского кладбища) и п. 6 Русенихинского могильника). В п. 6 Русенихинского могильника было обнаружено 2 пояса: тканый на платье и наборный на кафтане и в обоих случаях пряжка была повернута лицевой стороной вниз. К сожалению, количество погребений, где возможно проследить отдельные детали расположения вещей, невелико (чуть

более десятка), но в погребениях, не содержащих предметов, связанных с литьем, пряжки лежат лицевой стороной вверх. Известно, что переверачивание предметов традиционно использовалось в погребальной похоронной практике многих народов с целью «отвернуть» смерть (Толстой, 1990; Левкиевская, 2002, с. 126–127) и, вероятно, по отношению к соплеменникам, обладающим сверхъестественной, часто непонятной и пугающей силой.

Женские погребения с литейными принадлежностями часто содержат, на первый взгляд, утилитарные предметы: ножи (95,4%)⁴, топоры (81,8%), шилья (60,9%), наконечники стрел и оселки. Ножи действительно являются достаточно частой находкой в марийских женских захоронениях, но присутствие в погребении двух ножей, иногда трех, является необычным явлением (50%). В женских захоронениях средневековых мари фиксировались отдельные случаи нахождения наконечников стрел и топоров, но они были скорее исключением из правил, чем закономерностью.

Традиционно перечисленные выше категории вещей являются принадлежностью мужчин. Например, символика стрел очевидна для мужских захоронений – как символ власти, мужского начала (Худяков, 2004, с. 102–111) и как орудие охоты, которой занимались мужчины. На наш взгляд, нахождение подобных предметов в таком количестве в женских погребениях с литейными принадлежностями не может быть случайностью. Во-первых, топоры, ножи и

⁴ Подсчеты произведены от количества женских захоронений без учета полностью разрушенных.

наконечники стрел выполняли охранительную функцию, связанную с их первоначальным назначением. В 4-х случаях топоры воткнуты острием в землю (п. 6 Вес., п. 7 Юм, п. 6 Рус., п. 11 Выж.). Наконечники стрел и шилья, как любые острия, являлись защитой от злых сил. Эти предметы широко использовались и используются до настоящего времени марийскими знахарками при лечении заговором. При совершении процедуры «знахарки сидят или стоят, наступив обеими ногами на острый железный предмет (нож, косарь, ножницы, топор, пилу и т.д.), в руке держат острый нож или ножницы (или, за неимением таковых, заостренную палочку). Острие ножа направляют на воду (Петров, 1993, с. 102). Эти предметы не случайно образуют достаточно устойчивые пары или группы инвентаря, дополняя друг друга. Символично сочетание «топор+нож», которое встречается в 81,8%. Именно в такой комбинации железные предметы используются при молениях для охраны от злых сил. Во время праздника «Сүрем» карт с помощником обходят вокруг жертвы по солнцу три раза с молитвой «... Звук железного вашего добрых приворачивайте сюда (к нам), а злых отгоняйте вместе с дымом вашим»..., при этом помощник постукивает ножом по топору (Яковлев, 1887, с. 37). Обращает на себя внимание сочетание «шило+стрела». Они взаимозаменяют друг друга, при этом, как острия, выполняют одну функцию, связанную с охраной. Поэтому не случайно в марийском фольклоре отражена семантическая связь шила и серебра, как священного металла. Марийская загадка о шиле: «на овце и быке бегает сереброносая свинья» (Китиков,

1967, с. 110). Представляет интерес сочетание «шило+пряслице», которые обнаружены в п. 6 Русенихинского могильника и, вероятно, может быть связано с проницательной символикой (пряслице как женский бытовой предмет с отверстием), направленной на укрепление рода. Пряслица в сочетании с острыми предметами часто встречаются в захоронениях с литейными принадлежностями на мордовских могильниках (Пановский, пп. 94, 99; Елизавет-Михайловский, пп. 2, 90, 106, 116; Крюково-Кужновский, пп. 73, 193, 216, 421, 449) (Материальная культура среднепеченской мордвы, 1969, с. 33, 34, 45, 65, 68, 70; Материалы по истории мордвы VIII–XI вв., 1952, с. 33, 67, 76, 135, 143). С проницательной символикой можно связать и очень интересную находку из п. 2 Русенихинского могильника. С левой стороны погребенной в районе бедра были обнаружены кремень и 2 кремала (железное калачевидной формы и с бронзовой рукояткой, изображающей двух всадников), железный нож и тесло. Рукоятка ножа воткнута в отверстие для рукоятки тесла. Следов рукоятки у тесла нет, т.е. в данном случае тесло выступает как полый проем для ножа. Общепризнано, что символы проемов (бытовые предметы полые или с отверстием – горшки, миски; челноки, иглы и т.д.) и пронимания (протаскивания, продевания, погружения в проем) были так или иначе связаны с символикой материнства (родов) (Щепанская, 1999, с. 149–190). В этой связи хочется отметить, что в погребениях с литейными принадлежностями сосуды встречаются в 15 случаях (68%), при этом в 8 погребениях их зафиксировано по 2, что составляет 36%. В большинстве слу-

чаев сосуды располагались в ногах. Вероятно, что женщины, обладающие подобными символами, сами занимались проницательной магией.

Значительный интерес представляют находки кресал, особенно с биметаллическим навершием. Из 243 раскопанных погребальных комплексов марийской культуры X–XI вв.⁵ в 87 обнаружены кресала (35,8%), из них биметаллические составляют 12,3%. Среди общего числа женских захоронений на марийских могильниках, так называемые «литейщицы» с кресалами встречаются в два раза чаще (70,6%). В погребениях, где отсутствует кресало, всегда имеется кремь, как замещающий его символ. Биметаллические кресала всегда, судя по инвентарю, сопровождают членов рода, имеющих высокое социальное положение. В костюме почти всех женщин с биметаллическими кресалами имелись серебряные гривны, иногда по 2 (пп. 3, 4, 15, 22 Веселовского; п. 30, жк 4 НС; пп. 2, 6 Рус.), от 8 до 16 браслетов на обеих руках. Среди кресал преобладают биметаллические изделия с навершием из цветного металла, выполненные в виде реальных и мифических птиц и животных в реалистическом или схематическом изображении. Общеизвестным является утверждение, что кресала с изображением зооморфных и фантастических существ на рукоятках имели также, а возможно и в первую очередь, магическое охранительное назначение.

В захоронениях с литейными принадлежностями обнаружено значительное количество амулетов в виде копоушек, когтей жищников, рако-

вин-каури, резных коньков и разнообразных охранительных элементов в многочисленных украшениях в виде схематических изображений водоплавающей птицы, коней, змеи (табл. 2). К амулетам-оберегам можно также отнести бусины и бубенчики, не входящие в состав украшений, но обнаруженные в необычном месте: в засыпи могильной ямы, в составе дополнительных комплексов и т.д.

Особый интерес представляют находки кусочков и слитков белого металла, который по результатам металлографического анализа в большинстве случаев является оловом или свинцом. Они могли быть использованы в различных целях: в качестве сырья при изготовлении украшений или при совершении определенных ритуалов. Ряд свидетельств (отсутствие, кроме льячек, другого производственного инвентаря, связанного с литейным производством и ювелирным делом, несоответствие состава металла на стенках льячек металлу украшений, обнаруженных в погребениях и др.) позволяют считать, что литье не было основной или единственной сферой деятельности женщин, захороненных в рассматриваемых погребениях. Этот вопрос уже отражен в ряде публикаций (Никитина, Ефремова, 2011). В качестве дополнения к ранее высказанному обращаем внимание, что химический анализ костной ткани по методу атомной абсорбции также не показал каких-либо отличий в составе микроэлементов, связанных с профессиональной деятельностью⁶.

Возможность использования оловянных или свинцовых слитков в культовой практике подтверждается

⁵ В XII в. кресала с биметаллической рукоятью не встречаются.

⁶ Анализы проведены к.б.н. Е.А.Пузаткиной.

Таблица 2

Характеристика погребений с литейными принадлежностями в марийских могильниках X–XII вв.

№ №	местонахождение	тип комплексов			дата	пол		подвиды деформации		лещики		литейные формы		оформление		приспособ.			
		инвентарь	кремни	железо		жен	муж	полная	не полная	в котлах	не котлах	в котлах	не котлах	в котлах	не котлах	в котлах	не котлах	в котлах	не котлах
1	Веселово, п.2	+				+		+											
2	Веселово, п.6	+					+												
3	Веселово, п.12	+					+												
4	Веселово, жк.20	+		+															
5	Веселово, п.34		разрушено																
6	ЧК, п. VI	+			X-NI		+												
7	ЧК, п. VIII	+			X		+												
8	ЧК, п. IX-X	+			X		+												
9	ЧК, п. XV-XVI	+					+												
10	ЧК, п. 11		разрушено																
11	ЧК, п. 14		+				+												
12	ЧК, жк. 2			+															
13	КЮ, п.7		+				+												
14	Юю, п.9		разрушено																
15	НС, п. 5	+					+												
16	НС, п. 11		+				+												
17	НС, п. 32	+					+												
18	Дуб, п. 36	+					+												
19	Русеница, п. 2	+					+												
20	Русеница, п. 6	+					+												
21	Русеница, п. 8	+					+												
22	Русеница, п. 11	+																	
23	Русеница, п. 14	+					+												
24	Русеница, жк.5			+			+												
25	Выжур, п. 11	+					+												
26	Выжур, п. 13	+					+												
27	Выжур, п. 24	+					+												
28	Пестинка, п.7	+					+												

археологическими находками и этнографическими материалами.

Практически на всех марийских средневековых святилищах обнаружены продырявленные литые пластинки олова (Никитина, Ефремова, 2007, с. 327, 330). Марийцы активно использовали олово на марийских молениях при совершении жертвоприношения и в гаданиях. Перед началом моления или в процессе моления каждому богу производилась отливка металла. Металл капали в сковородку или в воду, проверяя, угодна ли жертва богам. Голова лошади или коровы считалась добрым знаком. Если выливался слиток наподобие хвоста, то процедуру повторяли (Яковлев, 1887, с. 33; Кузнецов, 1879, с. 105). Олово довольно часто упоминается в марийских заговорах (Глухова, 1996, с. 57, 62) и молитвах (Яковлев, 1887, с. 36).

По-видимому, олово или свинец растапливали не обязательно в льячках, в отдельных случаях могли использовать другую керамическую или металлическую посуду или иную емкость. Именно этим можно объяснить, что в погребениях не всегда обнаружены льячки и литейные формы, а иногда зафиксированы только слитки олова (п. 11 Русенихинского, п. 6 Веселовского, п. 7 Юмского могильников). Кусочки или слитки олова или свинца без льячек часто встречаются в мордовских захоронениях (пп. 572, 616 Шокшинского, пп. 183, 204, 216, 395, 507 Крюково-Кужновского могильника; п. 34 Лядинского могильника и т.д.). В п. 7 Юмского могильника обнаружены фрагменты ошлакованных сосудов. Этнографические источники содержат информацию, что олово капали в жидкое масло или в воду. Так, среди чуваш сохранился

обычай, в соответствии с которым при испуге грудного ребенка расплавленное олово капали в воду и по образовавшейся форме определяли источник сглаза (Егорова, 2006, с. 71). Затем образовавшуюся форму клали в марлю и подвешивали на шею или через правое плечо к подмышке до тех пор, пока она не терялась (Уляшев, 2011, с. 140). На связь олова/свинца с водой указывают и собственно марийские названия металлов – «вулно» (олово) и «вүдвулно» (свинец), последнее переводится как «водяное олово».

Имеются также и другие свидетельства, позволяющие предполагать, что женщины-«литейщицы» занимались врачеванием или знахарством. В п. 5 могильника Нижняя Стрелка обнаружены белемниты. Они имеют народное название «чертовы пальцы» и используются в народной медицине (Никонова, Кандрина, 2005, с. 120). Горные марийцы использовали порошок из белемнитов для присыпки ран (Бирючев, 1934, с. 38). Среди русского населения Вятского края был распространен обычай, по которому в начале родов при прочтении первого заговора женщина сжимала рукой так называемый «чертов камень» (Золотова, Иванова, 2004, с. 19). В мордовских и муромских захоронениях с льячками обнаружены кусочки глины: п. 33 Малышевского, п. 94 Пановского, п. 58 Крюково-Кужновского, п. 90 Елизавет-Михайловского могильников. Распаренная красная глина применялась мордвой для вытяжки гноя. Башкиры при ожогах использовали сухую глину, а подогретую глину – при абсцессах, чуваш глину использовали при ожогах (Никонова, Кандрина, 2005, с. 121). На семантическую связь глины с продуцирующей силой огня

(печи) указывают и широко распространенные сюжеты сказок, где старухи формируют детей из глины и выдерживают их на печке (Уляшев, 2011, с. 109). В марийской сказке богатырь Ненчык-патыр по сюжету вылеплен из теста, но в переводе с марийского языка слово «ненчык» означает липкую глину, а жизненную силу обретает на печи (Марийские народные сказки, 1984, с. 23–24, 153–154).

Таким образом, возможно предположить, что женщины, захороненные с льячками, кусочками олова являлись не только «литейщицами» (а может и не столько), но и выполняли определенные ритуальные функции, связанные с культово-бытовой практикой. Обереги в виде костей и зубов животных, белемниты, кресала с биметаллическими кресалами и другие амулеты, обладающие определенными охранительными функциями, обилие колюще-режущих металлических предметов вполне соответствуют этой роли женщин. Обряд запираания костюма и земли способствовал, с одной стороны, сохранению их силы (а значит, и силы их рода) в потустороннем мире, с другой стороны, объяснялся священным страхом живых перед женщинами, обладающими способностью общаться с миром духов.

В женских погребениях Чулковского и Малышевского могильников В.В. Гришаковым выделены алтари в виде полукруглой ямы, отделенной от основного погребения вылепленной из глины перегородкой. В п. 72 Степановского мордовского могильника льячка найдена совместно с ритуальным сосудом, на котором по кругу изображены животные (Петербургский, Аксенов, 2008, с. 159). В ряде захоронений фиксируются следы

охры (Желтухинский, Безводнинский, Чулковский могильники), которая, как правило, исследователями отождествляется с охранительными обрядами (Косарев, 2008, с. 110).

Вероятно, традиция занятий женщинами-«литейщицами» врачеванием или знахарством зародилась в эпоху средневековья и первоначально была связана с совершением определенных обрядов в рамках семьи. В таком случае место для проведения обряда должно было располагаться в пределах дома или недалеко от него, а его исполнителем являлась женщина, занимающая особое положение, которая является хранительницей семейной традиции. В жилищном комплексе марийцев таким местом, вероятно, являлось «кудо». Использование надворной постройки «кудо» – летней кухни для совершения семейных ритуально-священных действий отмечают многие этнографы (Моляров, 1873, с. 256–257; Козлова, 1964, с. 52 и др.). Во многих «кудо», у стены, противоположной входу, отделялось «изи кудо» (малое кудо), где под потолком хранились все принадлежности домашних языческих молений и жертвоприношений (Крюкова, 1956, с. 115; Козлова, 1964, с. 53; Сепеев, 1975, с. 129). При этом «малое кудо» характеризуется как священное место обитания семейно-родового духа Кудоводыжа, куда посторонним был запрещен вход. Для приношений ему делали сумочку «кудо-водыж калта»⁷ (кошелек кудо-водыжа) или «куд-эртньэ»⁸ (берестяной короб летней кухни), четырехугольной формы или

⁷ Калта – кошелек (Васильев, Саваткова, Учаев, 1991, с. 101).

⁸ Эртне – берестяной короб (Васильев, Саваткова, Учаев, 1991, с. 454).

в форме воронки и ставили в углу «кудо» (Васильев, 1927, с. 20). Широкий спектр ритуалов, связанных с «кудо», подчеркивает традиция захоронения в нем останков лошади, которая участвовала в празднике поминовения хозяина «Съѣсьѣ войзымаш» (Васильев, 1927, с. 103–104). Здесь же подвешивался посул – обещание принести жертву с определенным набором вещей (Васильев, 1927, с. 44). Археологически «кудо» выделяется уже в I тысячелетии н.э. На синхронных нашим могильникам памятниках: Еманаевском, Малахайском городищах и селище Галанкина Гора в заполнении построек, наряду с развалами сосудов и костями, обнаружены глиняные грузила, пряслица, шлаки, льячки, фрагменты тиглей, куски бронзы и медной проволоки. Следовательно, мы с уверенностью можем соотносить функциональную особенность данной постройки с культовой деятельностью женщин-«литейщиц». На поселениях II тысячелетия н.э. в

«кудо» предметы, связанные с литьем, отсутствуют.

В заключение хочется еще раз вернуться к тезису Л.А. Голубевой–Б.А. Рыбакова о женщинах, занимающихся домашним ремесленным литьем женских украшений, которые получили в литературе название «женщины-литейщицы». Исходя из полученного материала, можно сделать вывод, что наряду с производственной они выполняли не менее ответственную функцию сохранения и умножения рода, связанную с культовой и продуцирующей магией. Эти обряды совершались с использованием глины, огня и металла. Семантическую связь меди с огнем, красной глины (в данном случае льячки) и меди с рождением, плодородием, родом и кровью подчеркивают ряд исследователей (Павлинская, 1989, с. 72–85; Уляшев, 2011, с. 139) и указывает созвучие в названии меди («вүргене») и крови «вүр» (кровь) в марийском языке, при этом слово «вүр» применяется и в значении родня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова А.Е., Воронина Р.Ф., Циркин А.В. Кельгининский могильник (предварительное сообщение) // Тр. МордНИИЯЛИЭ, вып. XXVII. Серия историческая. – Саранск, 1964. – С. 185–205.
2. Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. (к этнокультурной истории Поветлужья). – Йошкар-Ола, 1986.
3. Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. – Муром, 2005.
4. Бирючев В.Г. Народная медицина горных мари. – Йошкар-Ола, 1954.
5. Васильев В.М. Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. – Краснококшайск, 1927.
6. Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В. Марла-рушла мутер. Марийско-русский словарь. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – 512 с.
7. Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья. – Чебоксары, 1960.
8. Глухова Н.Н. Структура и стиль текстов марийских заговоров. – Йошкар-Ола, 1996.
9. Голубева Л.А. Женщины-литейщицы. (К истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. – 1984. – № 4. – С. 75–89.

10. Голубева Л.А. Девочки-литейщицы // Древности Славян и Руси. – М. 1988.
11. Голубева Л.А. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1987.
12. Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома // Древности. – М., 1914. – Т. XXIV.
13. Гришаков В.В. Отчет о работе Нижнеокской археологической экспедиции в Горьковской области и Мордовской АССР в 1988 году // Архив ИА РАН. – Р-1. № 3681.
14. Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Муром VII–XI вв. – Йошкар-Ола, 1990.
15. Дубынин А.Ф. Малышевский могильник. Рукопись дисс. на соискание уч. степени к.и.н. // Архив ИА РАН. – Оп. 1. № 362.
16. Егорова О.В. Обычаи и обряды, связанные с родами, уходом за новорожденными и лечением детских болезней в среде закамских чувашей // Чувашский гуманитарный вестник. – Чебоксары, 2005. – № 1 (июль-декабрь). С. 62–74.
17. Жиганов М.Ф. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории Мордовского народа. (Археологический сборник, т. II). – Саранск, 1959.
18. Золотова Т.А., Иванова Е.С. Вятский родильный обряд: модели описания. – Йошкар-Ола, 2004.
19. Китиков А.Е. Марийские народные загадки. – Йошкар-Ола, 1967.
20. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). – М., 1980.
21. Кузнецов С.К. Четыре дня у черемис во время Сюрема. Этнографический очерк. – СПб., 1879.
22. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. – М.: «Индрик», 2002.
23. Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. – М., 1996.
24. Мальм В.А. Орудия труда // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников. – М., 1963.
25. Марийские народные сказки. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1984.
26. Мартянов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. – Арзамас; М., 2001.
27. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова. – Моршанск, 1952.
28. Материальная культура средне-цинской мордвы VIII–XI вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы). – Саранск, 1969.
29. Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Захоронения с орудиями литья («литейщиц») в марийских могильниках IX–XI вв. // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Великий Новгород – Старая Русса. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – С. 77–79
30. Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Особенности погребений с орудиями литья в марийских могильниках IX–XII вв. // ФУ. – 2011. – № 2. – С. 12–24.
31. Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Святилище на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. IV Халиковские чтения. Материалы науч. конф., посвящ. 50-летию Марийской археол. эксп. – Йошкар-Ола, 2007.
32. Никонова Л.И., Кандрин И.А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. – Саранск, 2005.

33. *Отчет А. Дубынина об археологических исследованиях в 1947 г. Малышевского могильника Селивановского района Владимирской области // Архив ИА РАН. – Р-1. № 135.*
34. *Отчет об археологических исследованиях Хотильмского могильника, производившихся Ивановским Областным Краеведческим музеем в 1947 году // Архив ИА РАН. – Оп. 1. № 134.*
35. *Отчет по археологическим исследованиям в Ивановской области, проводившимся Ивановским областным краеведческим музеем под руководством А.Ф. Дубынина в 1945 году // Архив ИА РАН. – Р-1. № 40.*
36. *Павлинская Л.Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // Материальная и духовная культура народов Сибири: Сб. МАЭ. Т. XLII. – Л., 1988. – С. 72–85.*
37. *Петербургский И.М. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа. – Саранск, 1987.*
38. *Петербургский И.М., Аксенов В.Н. Древние памятники на реке Ляча. – Саранск, 2008.*
39. *Петербургский И.М., Вихляев В.И., Святкин С.В. Второй Журавкинский могильник. – Саранск, 2010.*
40. *Петров В.Н. Биоэнергетические методы народной медицины марийцев // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов. АЭМК. – Вып. 22. – Йошкар-Ола, 1993.*
41. *Рыков П.С. Культура древних финнов в районе р. Узы. – Саратов, 1930.*
42. *Толстой Н.И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М., 1990.*
43. *Уляшев О.И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обскоугорских народов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011.*
44. *Уткин А.В., Ю Черников В.Ф. Желтухинский могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. – АЭМК. – Вып. 23. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 41–66.*
45. *Худяков Ю.С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 1. – С. 102–111.*
46. *Циркин А.В. Кельгинский могильник (раскопки 1966) // Тр. МордНИИЯЛИЭ. – Вып. XXXIV. Серия историческая. – Саранск, 1963. – С. 247–262.*
47. *Шитов В.Н. Отчет Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 11103.*
48. *Шитов В.Н. Отчет Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 11381.*
49. *Шитов В.Н. Отчет Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 12118.*
50. *Щепанская Т.Б. Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы // Сб. МАЭ. Т. XLVII. – СПб., 1999. – С. 149–190.*
51. *Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. – Казань, 1887.*
52. *Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники // МАР. – 1893. – № 10.*

Информация об авторах:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, зам. директора, МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

Ефремова Диана Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола, Россия); diana-efremva@gambler.ru

**THE FUNERAL RITE OF COMPLEXES WITH MOULDED TOOLS
FROM MEDIEVAL SEPULCHERS OF IX–XII CENTURIES
OF THE VETLUGA-VYATKA INTERFLUVE**

T.B. Nikitina, D.Yu. Efremova

The article is devoted to the burial rite of female burials with casting accessories from the 9–12th -century burial grounds of the Vetluga-Vyatka interfluve area. The study is based on 25 burials from the Mari sites, similar graves from the Mordva and the Muroma burials have been used for comparative analysis. The female burials with casting tools have been considered against the background of the Mari funeral rite in the Middle Ages. Individual peculiarities have been explained using the data of ethnography and folklore. An integrated approach to the analysis of the funeral rite made it possible to conclude that the women buried with casting accessories were not only engaged in foundry, but used to perform certain rites associated with protection of the family and kindred.

Keywords: archaeology, the Vetluga-Vyatka river interfluve, the Middle Volga region, the Mari, the Mordva, the Muroma, metalworking, funeral rite, cult practice, dating

REFERENCES

1. Alikhova, A. E., Voronina, R. F., Tsirkin, A. V. 1964. In *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute)* XXVII. *Seriia istoricheskaya (History Series)*. Saransk, 185–205 (in Russian).
2. Arkhipov, G. A. 1986. *Mariitsy XII–XIII vv. (k etnokul'turnoi istorii Povetluzh'ia) (Mari People in 12th — 13th Centuries: on the Ethno-Cultural History of the Vetluga River Basin)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
3. Beilekchi, V. V. 2005. *Drevnosti Nizhnego Pooch'ia (pogrebal'nyi obriad i poseleniia letopisnoi muromy) (Antiquities of the Lower Oka Basin: Funerary Rite and Settlements of the Muroma People Known by Chronicles)*. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute (in Russian).
4. Biriuchev, V. G. 1954. *Narodnaia meditsina gornyykh mari (Folk Medicine of the Volga Right-Bank Mari)*. Yoshkar-Ola: "Margosizdat" Publ. (in Russian).
5. Vasil'ev, V. M. 1927. *Materialy dlia izucheniia verovaniy i obriadov naroda mari (Materials for Study of the Beliefs and Rites of the Mari People)*. Series: *Trudy Tsentral'nogo Mariiskogo Obshchestva Kraevedeniia (Proceedings of the Central Mari Society of Local Lore)*. Krasnokokshaisk (= Yoshkar-Ola) (in Russian).
6. Vasil'ev, V. M., Savatkova, A. A., Uchaev, Z. V. 1991. *Marla-rushla muter = Mariiskorusskii slovar' (Mari-Russian Dictionary)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Mari and Russian).
7. Gagen-Torn N. 1960. *Zhenskaya odezhda narodov Povolzh'ia (Women Dress of Peoples of the Volga Region)*. Cheboksary: "Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
8. Glukhova, N. N. 1996. *Struktura i stil' tekstov mariiskikh zagovorov (Structure and Style of Mari Incantations Texts)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
9. Golubeva, L. A. 1984. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 75–89 (in Russian).
10. Golubeva, L. A. 1988. In *Drevnosti slavian i Rusi (Antiquities of Slavs and Rus)*. Moscow: "Nauka" Publ., 31-33 (in Russian).

11. Golubeva, L. A. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Arkheologiiia SSSR (Archaeology of the USSR) 17. Moscow: "Nauka" Publ., 97-107 (in Russian).
12. Gorodtsov, V. A. 1914. In *Trudy Imperatorskogo Moskovskogo Arkheologicheskogo Obshchestva (Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological Society) XXIV*. Moscow, 40-216 (in Russian).
13. Grishakov, V. V. 1988. *Otchet o rabote Nizhneokskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v Gor'kovskoi oblasti i Mordovskoi ASSR v 1988 godu (Report on the Fieldworks of the Lower Oka River Archaeological Expedition in the Gorky Region and Mordovian Autonomous Republic in 1988)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 3681 (in Russian).
14. Grishakov, V. V., Zelenev, Yu. A. 1990. *Muroma VII–XI vv. (Muroma People in 7th–11th Centuries)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
15. Dubynin, A. F. 1949. *Malyshevskii mogil'nik (K istorii Nizhnei Oki v I tysiacheletii n.e.) (Malyshevo Burial Ground: on the History of the Lower Oka Basin in I Millennium AD)*. PhD Diss. (manuscript). Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. 1, no. 362 (in Russian).
16. Egorova, O. V. 2005. In *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik (Chuvash Bulletin for Humanities) 1* (July-December). Cheboksary, 62–74 (in Russian).
17. Zhiganov, M. F. 1959. In Alikhova, A. E., Zhiganov, M. F., Stepanov, P. D. *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (From the Ancient and Medieval History of Mordovian People)*. Series: Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers) II. Saransk: Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute, 55-88 (in Russian).
18. Zolotova, T. A., Ivanova, E. S. 2004. *Viatskii rodil'nyi obriad: modeli opisaniia (Vyatka Tribes Rite of Birth: Descriptive Models)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
19. Kitikov, A. E. (comp.). 1967. *Mariiskie narodnye zagadki (Mari People Folk Riddles)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
20. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorki Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Kuznetsov, S. K. 1879. *Chetyre dnia u cheremis vo vremia Siurema. Etnograficheskii ocherk (Four Days with the Cheremissians (Mari) at the Time of Syurem: Ethnographical Essay)*. Saint Petersburg: Imperial Russian Geographical Society (in Russian).
22. Levkivskaia, E. E. 2002. *Slavianskii obereg. Semantika i struktura (Slavic Averter. Semantics and Structure)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
23. Leont'ev, A. E. 1996. *Arkheologiiia meri. K predistorii Severo-Vostochnoi Rusi (Merya Archaeology. Towards Pre-History of North-Eastern Rus')*. Moscow: "Geoeco" Publ. (in Russian).
24. Mal'm, V. A. 1963. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. Po materialam Timerevskogo, Mikhailovskogo i Petrovskogo mogil'nikov (Yaroslavl Volga Region in 10th–11th Centuries By Materials of Timeryovo, Mikhailovsky and Petrovsky Graveyards)*. Moscow: State Historical Museum; Yaroslavl Museum-Reserve, 32-35 (in Russian).
25. *Mariiskie narodnye skazki (Mari People Folk Tales)*. 1984. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
26. Mart'ianov, V. N. 2001. *Arzamasskaia mordva v I — nachale II tysiacheletii (Arzamas Mordvians in the I — Beginning of the II Millenium AD)*. Arzamas; Moscow: Arzamas State Pedagogical Institute (in Russian).
27. Smirnov, A. P. (ed.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. (Dnevnik arkheologicheskikh raskopok P. P. Ivanova) (Materials on the History of Mordva People in 8th–11th Centuries (Field Notebook by P. P. Ivanov))*. Morshansk: Morshansk Museum of Local Lore (in Russian).
28. Alikhova, A. E. (ed.). 1969. *Material'naia kul'tura Sredne-Tsninskoi mordvy VIII – XI vv. (po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927–1928 gody) (Material Culture of the Mordva People of*

the Middle Tsna Area: Based on the Materials from P. P. Ivanov's Excavations in 1927-1928). Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

29. Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. I. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod — Staraiia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Congress. Veliky Novgorod — Staraya Russa)* Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 77–79 (in Russian).

30. Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2011. In *Finno-ugrovedenie (Finno-Ugric Studies)* 2, 12–24 (in Russian).

31. Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitiie drevnikh soobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: V. M. Vasil'ev Mari Research Institute for Language, Literature, and History (in Russian).

32. Nikonova, L. I., Kandrina, I. A. 2005. *Kak lechilis' narody Povolzh'ia i Priural'ia (Healing Practices among the Volga and Cis-Ural Peoples)*. Saransk (in Russian).

33. Dubynin, A. 1947. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax v 1947 g. Malyshevskogo mogil'nika Selivanovskogo raiona Vladimirskoi oblasti (Report on the Archaeological Research of the Malyshevo Burial Ground, Selivanovo District, Vladimir Region, in 1947)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 135 (in Russian).

34. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax Khotil'mskogo mogil'nika, proizvodivshikhsia Ivanovskim Oblastnym Kraevedcheskim muzeem v 1947 godu (Report on the Archaeological Research of Khotilm Burial Ground by the Ivanovo Regional Museum of Local Lore, 1947)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. 1, no. 134 (in Russian).

35. *Otchet po arkhelogicheskim issledovaniiam v Ivanovskoi oblasti, provodivshimsia Ivanovskim oblastnym kraevedcheskim muzeem pod rukovodstvom A. F. Dubynina v 1945 godu (Report on the Archaeological Research in the Ivanovo Region by the Ivanovo Regional Museum of Local Lore Led by A. F. Dubynin, 1945)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 40 (in Russian).

36. Pavlinskaia, L. R. 1988. In *Material'naia i dukhovnaia kul'tura narodov Sibiri (Material and Spiritual Culture of the Peoples of Siberia)*. Series: Collected Papers of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences XLII. Leningrad, 72–85 (in Russian).

37. Peterburgskii, I. M. 1987. In *Voprosy drevnei istorii mordovskogo naroda (Issues of the Mordovian People's Ancient History)*. Series: Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute) 80. Saransk, 50–78 (in Russian).

38. Peterburgskii, I. M., Aksenov, V. N. 2008. *Drevnie pamiatniki na reke Liacha (Ancient Sites on the Lyacha River)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr'" Publ. (in Russian).

39. Peterburgskii, I. M., Vikhliaev, V. I., Sviatkin, S. V. 2010. *Vtoroi Zhuravkinskii mogil'nik (Second Zhuravka Burial Ground)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr'" Publ. (in Russian).

40. Petrov, V. N. 1993. In *Polevye materialy Mariiskoi etnograficheskoi ekspeditsii 80-kh godov (Field Materials of the Mari Archaeological Expedition from 1980s)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 22. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

41. Rykov, P. S. 1930. *Kul'tura drevnikh finnov v raione r. Uzy (Culture of Ancient Finnic Peoples in the Uza River Basin)*. Saratov: Lower Volga Institute of Local Studies (in Russian).

42. Tolstoi, N. I. 1990. In Ivanov, Viach. Vs., Nevskaiia, L. G. (eds.). *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury. Pogrebal'nyi obriad (Studies into the Baltic-Slavic Spiritual Culture: Funerary Rite)*. Moscow: "Nauka" Publ., 119–128 (in Russian).

43. Uliashev, O. I. 2011. *Khromatizm v fol'klore i mifologicheskikh predstavleniiakh permskikh i obskougorskikh narodov (Chromatism in the Folklore and Mythological Representations of the Perm and Ob'-Ugra Peoples)*. Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
44. Utkin, A. V., Chernikov, V. F. 1994. In Arkhipov, G. A., Nikitina, T. B. (eds.). *Problemy srednevekovoi arkhologii volzhskikh finnov (Issues of the Medieval Archaeology of Finno-Ugrians)*. Series: *Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 23. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 41–66 (in Russian).
45. Khudiakov, Yu. S. 2004. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)* 1, 102–111 (in Russian).
46. Tsirkin, A. V. 1968. In *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute) XXXIV. Seriya istoricheskaya (History Series)*. Saransk, 247–262 (in Russian).
47. Shitov, V. N. 1985. *Otchet Shokshinskoj arkhologicheskoi ekspeditsii v Mordovskoi ASSR i Riazanskoj oblasti v 1985 g. (Report of the Shoksha Archaeological Expedition in the Mordovia Autonomous Republic and Ryazan Region in 1985)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 11103 (in Russian).
48. Shitov, V. N. 1986. *Otchet Shokshinskoj arkhologicheskoi ekspeditsii v Mordovskoi ASSR i Riazanskoj oblasti v 1986 g. (Report of the Shoksha Archaeological Expedition in the Mordovia Autonomous Republic and Ryazan Region in 1986)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 11381 (in Russian).
49. Shitov, V. N. 1987. *Otchet Shokshinskoj arkhologicheskoi ekspeditsii v Mordovskoi ASSR i Riazanskoj oblasti v 1987 g. (Report of the Shoksha Archaeological Expedition in the Mordovia Autonomous Republic and Ryazan Region in 1987)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 12118 (in Russian).
50. Shchepanskaia, T. B. 1999. In *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo «Kunstkamera» RAN (Collected Papers of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences) XLVII*. Saint Petersburg, 149–190 (in Russian).
51. Yakovlev, G. 1887. *Religioznye obriady cheremis (Religious Rites of Cheremissians (Mari))*. Kazan: Kazan Missionary Society (in Russian).
52. Yastrebov, V. N. 1893. *Liadinskii i Tomnikovskii mogil'niki Tambovskoi gubernii (Lyada and Tomnikovo Burial Grounds in the Tambov Province)*. Series: *Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia)* 10 (in Russian).

About the Authors:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. V. M. Vasilyev Scientific Research Institute of Language, Literature and History in Mari. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, the Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Efremova Diana Yu. Candidate of Historical Sciences. V. M. Vasilyev Scientific Research Institute of Language, Literature and History in Mari. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, the Mari El Republic, Russian Federation; diana-efremva@rambler.ru